СЕЛЕНА ГРИММ

ЕГО Безумная ДЕВЧОНКА

Селена Гримм

Его безумная девчонка

«Автор»
2026

Гримм С.

Его безумная девчонка / С. Гримм — «Автор», 2026

Он встретил её в сугробе. Влюбился за две недели. И даже не подозревал, во что ввязался.Алина танцует посреди улицы, смеётся над собственными страхами и носит красный шарф, связанный бабушкой. Сергей — бухгалтер с ипотекой, разбитым прошлым и патологической привычкой всё просчитывать.Она стала его самым прекрасным безумием.Вот только есть вещи, о которых Алина предпочитает молчать. Люди, которым лучше не знать её адреса. И прошлое, способное однажды постучать в дверь с букетом роз и тортом.Сергей думал, что самое безумное, что он совершил в своей жизни, — лёг в сугроб рядом с незнакомкой.Как же сильно он ошибалсяВедь одно дело — влюбиться в женщину, которая танцует в снегопад. И совсем другое — узнать, на что она способна, когда ей больше нечего терять.

© Гримм С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Селена Гримм
Его безумная девчонка

Глава 1

Алина

Я вышла из подъезда в 7:43, как и каждый день последние три года. Сапоги те же, пуховик тот же, красный шарф тот же. Бабушка вязала его пять лет назад, с запасом на случай ядерной зимы, и он с задачей справляется: колется так, будто в него вплели ёжиков.

В левом ухе бубнил подкаст про осознанность. Третью неделю я слушала, как приятный голос учит меня «быть здесь и сейчас». Здесь и сейчас я пока была только телом, которое тащится к метро и мысленно составляет список дел. Осознанность в него не входила.

Дорога до метро выверена до метра. Круглосуточный магазин с продавцом, у которого утро всегда начинается со вчерашнего. Детская площадка, пустая в этот час, как зал после отмены концерта. Остановка с людьми, которым не повезло жить дальше от метро, чем мне. Я им тайно сочувствую и тайно гордюсь своей квартирой в двенадцати минутах ходьбы.

Снег шёл крупный, ленивый и совершенно лишний. В январе он уже не радует никого, но продолжает падать, как гость, который не понял намёков.

Я сделала шаг. Тротуар решил, что ему надоело держать меня вертикально.

Нога поехала вперёд, руки взлетели, сумка отправилась в самостоятельное плавание, наушник тоже. Секунду я была птицей. Потом стала мешком картошки, и этот мешок аккуратно приземлился спиной в сугроб, который намело у бордюра.

Я машинально оглянулась на подъезд. Привычка, от которой собиралась избавиться ещё с декабря. Никого знакомого. Ну и прекрасно.

Первым делом я провела инвентаризацию.

Кости? Целы, сугроб оказался мягче, чем моя репутация на работе. Шея тоже не болит. Уже хорошо. Телефон? Лежит рядом, экран цел. Шапка? На месте. Достоинство? Спорный вопрос, но оно и так не в лучшей форме с понедельника.

Минус один: снег моментально начал таять и пробираться за воротник, в рукава и вообще везде, где было сухо и хорошо. Влажная спина в январе означает простуду, а простуда означает больничный. С больничным я, пожалуй, смирилась бы.

Я лежала и смотрела вверх.

В оставшемся наушнике голос рассказывал про принятие себя. Я приняла себя. В сугробе, в позе морской звезды, с хлопьями на ресницах. По-моему, это был лучший практический урок осознанности за все три недели.

И тут выяснилось, что снег с этого ракурса выглядит иначе. Он не падал на меня, а спускался откуда-то из серой пустоты, медленно и крупно, как будто его кто-то аккуратно высыпал из невидимого сита. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз разглядывала его не краем глаза из маршрутки. Выходило, что классе в четвёртом, с горки, пока мама не начинала орать из окна.

Мимо прошли чьи-то ботинки. Потом ещё одни. Кто-то охнул, кто-то хмыкнул, кто-то обогнул меня по дуге, как лужу. Москва, ничего личного.

Вставать я не собиралась. Мне было слишком хорошо для человека с мокрой спиной.

— Вам помочь?

Голос раздался справа и сверху. Мужской, спокойный, с лёгкой хрипотцой человека, который не выспался и смирился.

Я повернула голову. Надо мной стоял мужчина в тёмном пальто, лет тридцати пяти, с кожаным портфелем и шапкой, надетой так, будто он натягивал её в темноте. Лицо обычное, глаза уставшие. Смотрел он на меня с вежливой тревогой, как смотрят на банкомат, который выдал не ту сумму. Рука уже была протянута.

— Помочь подняться? — повторил он.

Я посмотрела на руку, потом снова в небо. Снежинка угодила прямо в глаз, я зажмурилась и фыркнула.

— Нет. Лучше ложитесь рядом.

Рука повисла в воздухе. Я ожидала, что он сейчас вспомнит про срочные дела, но он только моргнул.

— Простите?

— Тут красиво. — Я похлопала по сугробу рядом с собой. — Пять минут. Вы не опоздаете.

Я наблюдала за его лицом. Сначала недоумение, потом любопытство, потом короткая вспышка паники: «Она вообще нормальная? Может, головой ударилась?» Я бы на его месте подумала то же самое. Но я лежала в сугробе и мне было удобно, так что спорить с собой не стала.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

Я улыбнулась. Не вежливо и не дежурно, а так, как улыбаешься, когда терять уже нечего: сумка улетела, репутация в сугробе, а вечером всё равно стирка.

Он огляделся. На тротуаре никого, редкие машины шуршат где-то сбоку.

И он лёг.

Прямо в снег, в своём пальто, которое наверняка стоило как моя месячная аренда. Портфель не выпустил, держал на груди, как спасательный круг. Закинул свободную руку за голову и уставился вверх с таким видом, будто ему предстоит сдать экзамен.

— Ну и что мы тут наблюдаем? — деловито спросил он.

— Снег. Много снега.

— Хорошо, что вы сказали. А то я думал, это манна небесная.

Мы замолчали. Минуту, две, три. Хлопья садились на лицо и таяли на щеках. Где-то хлопнула дверь подъезда, кто-то крикнул что-то неразборчивое, и всё это отодвинулось, словно сугроб был звукоизолирующим.

— Давно не смотрел на снег, — вдруг сказал он.

— Я тоже.

— Лет семнадцать. С тех пор как школу закончил.

— А я с четвёртого класса.

Он повернул голову. Я почувствовала его взгляд боком, но упрямо продолжала изучать небо.

— Вы странная.

— Знаю.

— Но это правда красиво.

— И это знаю.

Он тихо засмеялся, скорее себе, чем мне.

— Меня сегодня уволят, наверное. Я пропущу важную встречу, потому что лежу в сугробе с незнакомой женщиной.

— Скажете, что спасали утопающую.

— Вы не тонете.

— Тону. В снегу. Молча и с достоинством.

Он засмеялся уже громче и приподнялся на локте. С его пальто посыпалась снежная крошка.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Безумная.

— Да.

Он посмотрел на меня так, что я зачем-то проверила, не растрепался ли шарф. Потом его губы дрогнули.

— Повезло кому-то.

— Кому?

— Тем, кто вас знает.

Я не нашлась с ответом, что со мной случается примерно раз в год. Снежинка опустилась мне на губу, я её слизнула, чтобы было чем занять рот, и снова уставилась в небо.

— Вставайте, — буркнула я. — Замёрзнете, а мне потом объясняться с вашей бухгалтерией.

— А вы?

— Я полежу ещё минуту.

— Тогда и я.

Он снова лёг. Портфель поставил рядом в снег с видом человека, который решил, что хуже уже не будет. Вокруг просыпался обычный городской вторник: гудела машина, лаяла собака, кто-то ругался на лопату. А двое взрослых людей лежали в сугробе и не понимали, почему им так хорошо.

— Я вам признаюсь, — сказал он минут через пять. — Я сегодня вышел из дома на двадцать минут раньше. Просто пройтись. Не по делам, не до метро, а просто потому, что снег.

— И часто вы так?

— Иногда бывает, раз в пару лет.

— Тогда вы не безумный, — сказала я. — Вы очень устали.

Он замолчал. Снег падал ему на лицо, а он его не стряхивал.

— Наверное, — сказал он наконец. — Вы правы.

— А вы? — спросил он чуть позже. — Часто падаете и лежите?

— Первый раз. Но, кажется, войдёт в привычку.

Смех у него был хороший, тёплый, негромкий. Так смеются люди, которые давно не пробовали и проверяют, работает ли ещё.

— Слушайте, — он снова приподнялся на локте, — давайте кофе? Тут через два дома место, открывается в восемь. Уже почти.

Я глянула на телефон. 7:58.

— Я опаздываю.

— Я тоже.

— У меня начальница, которая считает минуты.

— У меня совещание, на котором считают меня.

Я посмотрела на него: мокрое пальто, снег в волосах, а глаза уже не те, что были пять минут назад. Живые. Как будто кто-то нажал нужную кнопку.

— А знаете что? — сказала я. — Пусть считают.

Мы поднялись, отряхнулись. Шарф намок и теперь колол шею с особым энтузиазмом, но я решила, что сегодня мы с ёжиками друзья.

Кофейня оказалась крошечной, тёплой, с деревянными столами и запахом корицы такой плотности, что его можно было резать ножом. За стойкой стояла сонная девушка, которую не смутили двое с мокрыми головами и красными носами. Она видела и не такое. Это Москва.

— Два американо, — сказал он. — И что-нибудь самое сладкое, что у вас есть.

— Круассаны.

— Два круассана.

Мы сели у окна. Снаружи люди бежали, прятались под зонтами, раздражённо отряхивали плечи. Мы сидели, ели тёплое тесто и молчали. Хорошее молчание, не то, которое закрывают болтовнёй от неловкости, а то, в котором просто удобно.

— Кстати, я Сергей.

— Алина.

— Очень приятно, Алина. Спасибо, что упали.

— Спасибо, что легли.

Он допил кофе, глянул на часы и сразу скис.

— Всё. Правда пора. Если не появлюсь, уволят уже по-настоящему.

— Идите.

Он встал, надел пальто, которое в тепле почти высохло, и замялся, но только на секунду.

— Оставите номер?

— Зачем?

— Не знаю. — Он пожал плечами с такой простотой, будто спрашивал, который час. — Чтобы было кому звонить в следующее снежное утро.

Я задумалась на пару секунд. Потом достала из сумки свою визитку — их на работе выдают пачками, и половина оседает в карманах. На обороте было пусто. Написала номер и протянула ему.

— Алина, — прочитал он вслух. — Спасибо.

— Идите, Сергей. Спасайте карьеру.

Он улыбнулся и вышел. Его фигура растворилась в снегопаде за три секунды. Я допила кофе, доела круассан, посидела ещё немного, потом намотала мокрый шарф и пошла на работу.

Опоздала я так, как не опаздывала никогда. За шесть лет стажа максимум был двадцать минут, и то по уважительной причине: застряла в лифте. Начальница поджала губы, поворчала и ничего не сделала. Видимо, у неё тоже было утро.

Весь день я ловила себя на том, что улыбаюсь без повода. Коллеги косились и спрашивали, не выиграла ли я в лотерею. Я отвечала, что выиграла, но только на сто рублей.

Вечером, когда я уже застёгивала пуховик, телефон пискнул. Незнакомый номер.

«Снег идёт. Смотрю в окно и вспоминаю. Спасибо за утро. Сергей».

Я улыбнулась экрану и набрала:

«В следующий раз, когда упадёте, не вставайте сразу. Полежите. Посмотрите на небо».

Ответ пришёл через минуту:

«Договорились. А можно с вами?»

Я рассмеялась. В пустом офисе, под гудящими лампами, одна, как последний сотрудник на планете.

«Можно», — написала я и нажала «отправить», пока не успела передумать.

Глава 2

Алина

Сообщение пришло с утра, когда я одной ногой уже стояла в подъезде, а другой пыталась найти в сумке ключи. Телефон завибрировал в кармане, и я достала его на ходу, второй рукой поправляя шарф. Тот самый, красный. Вчера он вымок до нитки, а сегодня снова был на мне с видом существа, которому всё нипочём. Ёжики внутри высохли и вернулись к своей основной работе.

«Доброе утро. Снега сегодня нет, но я всё равно смотрю на небо».

Я остановилась посреди тротуара. Мимо протрусила женщина с собакой, собака тявкнула, женщина извинилась перед кем-то из нас. Я не уточнила, перед кем. Я стояла и глупо улыбалась экрану, как человек, которому прислали купон на бесплатный кофе. Хотя нет, на купон я так не улыбаюсь.

Я набрала:

«Доброе. Жаль, что снега нет. Придётся искать другой повод лежать в сугробах».

Отправила и пошла дальше, строго приказав себе не ждать ответа. Утро выдалось серое, ветреное и абсолютно бесснежное. Небо висело над городом, как мокрое полотенце. А внутри почему-то включили лампочку на сто ватт.

Я шагала к метро и пыталась рационально оценить ситуацию. Вчера утром я была обычной женщиной с обычным маршрутом и обычным подкастом. Сегодня в моём телефоне лежит номер мужчины, с которым я валялась в снегу. Если бы кто-то рассказал мне такое про другого человека, я бы посоветовала ему не отвечать на сообщения до выяснения обстоятельств. Но это была я, а мои советы работают только на чужих людях.

Ответ пришёл, когда я уже подходила к турникету.

«А давайте придумаем новый повод? Сегодня вечером? Если вы не заняты».

Я встала как вкопанная. Сзади кто-то недовольно засопел, и я отошла к колонне, пропуская людей, как камень пропускает реку. И уставилась в экран.

Вечером. Повод. Он не написал «свидание», он написал «повод». Умно или трусливо? Или просто вежливо? Я умею читать договоры мелким шрифтом, но расшифровывать мужчин у меня никогда не получалось. Видимо, шифровальщики там сидят другие.

Внутри что-то ёкнуло. Что-то глупое, школьное, из тех времён, когда нравился мальчик с параллельного класса, а он проходил мимо и смотрел сквозь меня, как сквозь стекло. Организм, оказывается, хранил этот механизм в рабочем состоянии, хотя я его со школы не включала.

— Спокойно, — сказала я вслух. — Это просто кофе. Или не кофе. Просто повод.

Мужчина с портфелем покосился на меня и ускорил шаг. Правильно сделал.

Я напечатала: *«Не занята. А что за повод?»*

Поезд подошёл, я влезла в вагон, заняла место у окна и принялась ждать. Телефон молчал. Он молчал на каждой станции, молчал в тоннеле, молчал упрямо и обидно, как кот, которого позвали по имени. К «Белорусской» я уже успела придумать три версии. Первая: он передумал. Вторая: он был вежлив, а я приняла вежливость за приглашение. Третья, самая изящная: он женат, и жена нашла телефон. К четвёртой версии я перешла к «Маяковской» и начала сочинять детали его биографии. К «Тверской» у него уже было двое детей и ипотека.

Телефон завибрировал, когда я выходила из вагона.

«Есть одно место. Там самые лучшие блинчики в городе. Я проверял. Лично. Много раз».

Я засмеялась на эскалаторе, громко, на весь подземный коридор. Двое пассажиров обернулись. Я изобразила на лице выражение «мне только что сообщили приятную новость от юриста» и поехала вверх с достоинством.

«Блинчики — серьёзный повод», — написала я.

«Очень. Особенно со сгущёнкой».

«Вы знаете толк в соблазнении».

«Я знаю толк в блинчиках. Соблазнять не умею».

Я хохотнула снова. Теперь уже в турникет, прилично, вполголоса.

На работе я ловила себя на том, что гляжу на телефон каждые четыре минуты. Я положила его экраном вниз. Через десять минут перевернула обратно. Потом убрала в ящик стола. Потом достала. К обеду коллега Лена спросила, не влюбилась ли я, потому что «лицо у тебя как у человека, который нашёл деньги в старой куртке». Я сказала, что это погода, дурацкая погода, на всех действует. Лена посмотрела на окно, за которым висела серая невнятность, и ничего не сказала. Она хорошая коллега. Она умеет не лезть.

В обед написала домой, что задержусь. Получила в ответ короткое «Ок» и отправилась заниматься своими взрослыми глупостями с совершенно чистой совестью.

К шести я успела трижды собраться отказаться, дважды решить, что надену, и один раз полезть в интернет с запросом «как понять, что это свидание». Интернет посоветовал мне обратить внимание на язык его тела и наличие цветов. Тело я пока наблюдала только в лежачем положении, а цветов не ожидала.

Перед входом в кафе он стоял, прислонившись плечом к стене, и смотрел в телефон. Увидел меня, спрятал его в карман и улыбнулся так, будто я принесла ему хорошие новости.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вы сегодня без снега.

— Ни разу не упала.

— Жаль. А я пальто к стирке приготовил.

Я рассмеялась. Он открыл дверь и пропустил меня вперёд. Пальто на нём было то же самое, вчерашнее, но уже без следов катастрофы. Я мысленно поставила ему плюс за аккуратность.

В кафе было тепло, пахло ванилью и жареным маслом, и это сочетание срабатывало быстрее любого успокоительного. Мы сели у окна, как вчера, только окно другое, свет другой и время другое. За стеклом сгущались сумерки, фонари включались один за другим, будто кто-то шёл по улице и по очереди щёлкал выключателями. Снега не было. Но было что-то взамен. Тёплое, домашнее, как старый плед, который ничем не знаменит, но без него зима не зима.

— Я волновался, — сказал он, когда официантка записала заказ и ушла. — Честно. Думал, вы откажетесь.

— А почему я должна была отказаться?

— Ну… — Он пожал плечами. — Я незнакомый мужчина. Зову вас на блинчики. Вы меня не знаете.

— Я знаю, что вы готовы лечь в снег посреди улицы, если об этом просит незнакомая женщина. По-моему, это достаточная рекомендация.

— Звучит так себе, если вдуматься.

— Вот поэтому я не вдумываюсь.

Он улыбнулся смущённо, почти по-мальчишески, и тут же стал похож на человека, которому не тридцать пять, а шестнадцать, и он только что пригласил девочку в кино.

— Вообще-то я обычно не такой, — сказал он. — Я серьёзный. Отчёты, совещания, графики. Дом — работа — дом. У меня даже друзей толком нет. Все разъехались, у всех семьи, дети, дачи.

— А вчера?

— А вчера я вышел пораньше. Просто захотелось подышать. И наткнулся на вас в сугробе.

— Наткнулись — звучит как про препятствие.

— Для моего графика вы действительно оказались препятствием. Самым приятным за последние годы.

Принесли блинчики. Тонкие, кружевные, с золотистыми краями, масло и сгущёнка отдельно в маленьких розетках. Я отломила кусочек, макнула, попробовала.

— Вкусно, — признала я. — Вы не соврали.

— Я вообще не вру. Не умею. Сразу краснею.

— Прямо сразу?

— Сразу. Хотите проверить?

— А есть что скрывать?

Он задумался, пристально рассматривая сгущёнку, как будто там была написана подсказка. Потом поднял на меня серьёзные глаза.

— Я вчера практически не думал о вас.

Я замерла с вилкой в воздухе.

И он покраснел. Мгновенно, красиво, до самых ушей. Щёки стали розовыми, как у подростка, которого застали с чужой тетрадкой.

— Вот, — сказал он обречённо. — Я же предупреждал.

Я расхохоталась и протянула ему салфетку. Он промокнул лоб, хотя лоб был сухой, просто нужно было куда-то деть руки.

— Ешьте блинчики, — велела я. — А то остынут, и вам придётся придумывать новый повод.

Мы ели, пили кофе и разговаривали обо всём подряд, что обычно значит, что разговаривать есть о чём. О работе, о детстве, о том, у кого какая бабушка и какие бабушкины рецепты не поддаются воспроизведению. Он рассказал, что был женат и развёлся, без драмы, просто в какой-то момент они оба поняли, что сидят за одним столом, а думают про разные квартиры. Я рассказала, что давно ни с кем не встречаюсь, потому что «как-то само вышло, не сложилось, не попался». Прозвучало это бодрее, чем было на самом деле.

— А сейчас попался? — спросил он.

Прямо, без подготовки, без свечей и подводок. Просто посмотрел и спросил.

Я не ответила сразу. Допила кофе, поставила чашку, перевела взгляд в окно, где фонари отражались в мокром асфальте длинными жёлтыми хвостами.

— Не знаю, — сказала я честно. — Всё может быть. Страшно.

— Чего?

— Всего. Что снова окажется не то. Что я снова… — Я замолчала и сложила салфетку вчетверо, потому что руки опять потребовали занятия.

Он ждал. Не торопил, не подсказывал, не лез с утешениями. Просто сидел напротив, спокойный, как стол.

— Я, кажется, всю жизнь любила не то, — выдавила я. — Не тех, не так. А вдруг я просто разучилась иначе?

Он взял мою руку. Не сжал, не потянул, просто накрыл своей ладонью. Ладонь была тёплая и чуть влажная от чашки.

— А давайте ничего не решать, — сказал он. — Давайте есть блинчики. Смотреть на снег, когда он будет. Разговаривать. А там видно.

Я посмотрела на его руку поверх своей. Потом на него.

— Вы правда такой или притворяетесь?

— Какой?

— Спокойный. Надёжный. Нормальный.

— Я правда такой. Скучный. Предсказуемый. Иногда самому тошно.

— Мне не скучно, — сказала я.

— Пока.

— Пока.

Мы засмеялись одновременно, и стало легче дышать. Официантка принесла счёт. Он потянулся за бумажником, а я накрыла его запястье пальцами.

— Давай пополам, — сказала я, и это «давай» выскочило само, без разрешения. — Чтобы никто никому не был должен.

— Хорошо.

— И не спорить.

— Я не спорю. Я просто заметил, что «давай» вышло у вас красиво.

— У тебя, — поправила я.

— У тебя.

Мы расплатились и вышли. Вечер был прохладный, безветренный, фонари горели ровно, будто их специально настроили под нас. Я уже собиралась сказать, что мне в метро, но он опередил:

— Я пойду пешком, я тут рядом живу.

— Тогда я одна до метро.

— Проводить?

— Проводи.

Мы пошли не торопясь. Мимо витрин, мимо магазинов с закрытыми шторами, мимо остановки, где старушка с тележкой терпеливо ждала автобус, видимо, не первый час и не последний.

— Знаешь, — сказал он, — я ведь вчера чуть не прошёл мимо.

— Почему?

— Увидел, что кто-то лежит, и подумал: мало ли. Пьяная, или с сердцем плохо, или просто день такой. А потом ты сказала про снег, и я подумал: если сейчас пройду, буду жалеть всю оставшуюся жизнь.

Я остановилась и повернулась к нему.

— А если бы я была пьяная?

— Тогда бы довёл тебя до дома. И всё равно не прошёл бы мимо.

— Ты странный.

— Ты тоже. Нам повезло.

У метро толпились люди, кто-то торопился, кто-то обнимался на прощание, кто-то курил, глядя в пустоту. Я встала напротив него.

— Ну, пока, — сказала я.

— Пока.

Он стоял и не уходил. Просто стоял и смотрел.

— Ты чего? — спросила я.

— Думаю.

— О чём?

— Хочу ли я тебя поцеловать или лучше не торопиться.

Я рассмеялась.

— И что решил?

— Ничего. Голоса разделились.

— Какие голоса?

— Один говорит: «Она классная, не спугни». Второй: «А вдруг завтра пойдёт снег, ты снова её увидишь, и всё будет как вчера».

Я шагнула ближе. Совсем близко, туда, где уже видно, как у человека дрожат ресницы.

— Скажи первому голосу, что меня не спугнуть, — сказала я тихо. — А второму скажи, что снег, может, и не пойдёт. А завтра будет завтра.

Он наклонился и поцеловал меня.

Прямо у входа в метро, среди людей, которым было совершенно не до нас, под жёлтым фонарём. Осторожно, мягко, так, будто боялся разбудить. Пахло кофе и немного сгущёнкой, и это было настолько нелепо, что я чуть не рассмеялась ему в губы.

— Ничего себе, — сказала я, когда он отстранился. — А говорил, соблазнять не умеешь.

— Это не я. Это ты.

— Я?

— Ты упала. А я просто лёг рядом.

Я улыбнулась, поправила красный шарф, который, как выяснилось, сбился набок.

— Завтра позвоню, — сказал он.

— Жду.

Я спустилась по эскалатору, не оборачиваясь, потому что знала: обернусь — и улыбка расползётся окончательно, и тогда придётся ехать домой с лицом дурочки. Хотя оно у меня уже было.

В вагоне я села, достала телефон и написала:

«Ты уже жалеешь?»

Ответ пришёл через минуту:

«Нет. А ты?»

«Нет».

«Завтра увидимся?»

«Да».

Я убрала телефон и посмотрела на отражение в тёмном стекле. Женщина за тридцать, в красном шарфе, с улыбкой до ушей и растрёпанной чёлкой. Вид у неё был, прямо скажем, не слишком благоразумный.

— Безумная, — сказала я ей.

Она подмигнула.

Поезд нёсся по тоннелю, а мне казалось, что за окном, в чёрной пустоте, идёт снег. Крупный, неторопливый и совершенно лишний. Как раз такой, какой нужен.

Глава 3

Алина

Первая рабочая неделя января закончилась так, как заканчиваются все первые недели: ощущением, что меня пропустили через стиральную машину в режиме «интенсив» и забыли достать. За окном офиса дуло с такой яростью, будто ветер лично хотел со мной поговорить. С неба сыпалась ледяная крупа, мелкая и злая, из тех, что не падает, а прицельно бьёт в лицо.

Я вышла из бизнес-центра в 18:47. Вообще-то планировала в 18:00, но наша начальница вспомнила про квартальный отчёт ровно в 17:58. У неё на этот случай есть дар, как у некоторых людей есть абсолютный слух.

Но настроение у меня было не отчётное. Дело в том, что последние четыре дня я жила как в рекламе страхования жизни: всё слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сергей писал мне утром, звонил в обед, а после работы мы находили очередной повод увидеться. Мы съели столько блинчиков, что я всерьёз подумывала записать его в личные кондитеры. И каждый день он смотрел на меня так, будто я чудо, а не женщина с вечно мокрыми носками и подкастом, который так и не сделал меня осознаннее.

Я надела наушники ещё в лифте. Плейлист у меня составлен по принципу «всё, под что можно прыгать на кухне», и первым в очереди оказался один из тех безобразно попсовых хитов, за которые на вечеринках принято извиняться. Я за него не извинялась. Я прибавила громкость.

На улице я поняла, что пальто расстёгнуто. Застегнуть его было бы разумно. Я это отметила, как отмечают погоду, и не сделала ничего. Шарф висел на шее двумя концами, как у школьника, который выбежал на перемену. Шапка съехала на ухо, и я оставила всё как есть. Мне было жарко. Не метафорически, а по-настоящему: во мне, видимо, включили отопление, и оно работало независимо от минус пятнадцати на градуснике.

Я шла через площадь и чувствовала, как музыка поднимается откуда-то из ботинок. Сначала в ногах: шаг, пауза, ещё шаг. Потом в плечах. Потом бёдра, которые вообще-то давно в отпуске, вдруг вспомнили, что у них есть и другие функции, кроме сидения на стуле. Я позволила. Немножко, совсем незаметно, на уровне «человек просто бодро идёт». Все так ходят. Все ведь ходят и пританцовывают, да?

Крупа лупила в щёку. Ветер задирал полы пальто, и они разлетались в стороны, как два крыла. Я подумала, что со стороны выгляжу, вероятно, как ощипанная ворона, которую выпустили на волю. Мне было всё равно. Редкое состояние, надо записать.

Впереди возник мужчина с портфелем. Я как раз решила, что на этом припеве нужен пируэт. Не потому что умею. Потому что припев того требовал.

Пируэт получился ровно таким, как ожидалось: корявым, громким и с заносом в сторону мужчины. Тот шарахнулся, как кот от пылесоса, и что-то сказал. Я не расслышала, но по лицу догадалась, что нецензурное. Я махнула рукой: прости, брат, не со зла, мир тебя любит, — и пошла дальше уже без пируэтов. Обошлось. С танцами надо осторожнее: у меня, как выяснилось, нет страховки.

Я остановилась, закинула голову и посмотрела на небо. Оттуда продолжала сыпаться эта ледяная гадость, но мне вдруг стало так смешно, что я расхохоталась вслух, на всю площадь. Над чем, не знаю. Над крупой, над мужчиной, над собой. Над тем, что мне тридцать с лишним, а я пританцовываю на морозе, как школьница после контрольной.

Потом я крутанулась ещё раз, чуть не села на лёд, поймала равновесие — и увидела его.

Он стоял у колонны. В своём тёмном пальто, с шапкой, натянутой на брови, и с какими-то цветами в руке. Маленькие, жёлтые, весенние. Похоже, он за ними ходил в другой сезон.

Смотрел на меня так, как смотрят на редкое животное, которого не ожидали встретить в городской среде.

Первой мыслью было: он видел. Второй: давно ли. Третьей: если он видел пируэт, мне придётся сменить город.

Но он улыбался. Тихо, почти растерянно, как будто и сам не знал, что у него на лице.

Я стянула наушник, и музыка осталась болтаться где-то у плеча тонкой дребезжащей полоской.

— Ты здесь! — крикнула я через полплощади.

И побежала.

Не планировала. Ноги решили за меня. Расстёгнутое пальто хлопало, шарф летел за спиной, шапка окончательно решила, что с неё хватит, и сползла на затылок. Я неслась к нему, раскинув руки, как ребёнок, которого забирают из садика и он ещё не знает, что сегодня будет мороженое.

Он поймал меня. Я влетела в него с такой силой, что он на полшага отступил, и обхватила руками за шею. Лицо у меня было мокрое от растаявшей крупы, нос ледяной. Он пах холодом, шерстью и чем-то ещё, домашним, что я пока не опознала. Но запомнила.

Его рука скользнула к моему воротнику, и я на секунду напряглась. Глупая реакция. Он ведь просто обнимал меня. Я прижалась крепче.

— Ты замёрзнешь, — сказал он мне в шапку. — Пальто расстёгнуто.

— Мне жарко, — ответила я ему в плечо.

— На улице минус пятнадцать.

— А я танцевала.

— Я видел.

Я отстранилась. Посмотрела ему в лицо, чувствуя, как щёки горят, а на ресницах тают ледяные зёрнышки.

— И как? — спросила я с вызовом человека, который заранее готов к худшему.

— Безумно стыдно, — серьёзно сказал он. — Так стыдно, что я готов провалиться сквозь землю. Прямо здесь, на площади. У вас тут люк есть?

Я нахмурилась.

— Правда?

Он продержался секунды три, а потом улыбнулся, и я поняла, что попалась.

— Нет. Я стоял, смотрел и думал, какая же ты… — Он запнулся.

— Какая?

— Безумная. Непостижимая. Притягательная.

Я замерла. Слова упали куда-то в самую середину, туда, где обычно хранится здравый смысл, и там всё перемешалось. Слово «безумная» я слышала от него и раньше. Слово «притягательная» не слышала ни от кого. Я привыкла к «забавная», «живая», «с тобой не соскучишься». Это всё слова для друзей по работе. А тут что-то другое. Слово для человека, на которого хочется смотреть.

— Правда? — спросила я тише, чем собиралась.

— Правда.

— Я просто шла и слушала музыку. Думала, никто не видит.

— А я видел.

Я снова уткнулась ему в плечо, потому что на лице у меня происходило что-то, чему лучше не иметь свидетелей. Пальто осталось расстёгнутым, шарф болтался на боку, шапка где-то в районе левого уха. Выглядела я, надо полагать, как жертва ограбления, которой это нравится.

— Цветы дурацкие, — сказал он мне в макушку. — Жёлтые. Не знаю, как называются. Мне сказали, что весенние, а я купил и забыл.

— Красивые, — ответила я, не поднимая головы. — Я люблю жёлтые.

— Правда?

— Вру.

Он засмеялся, и я почувствовала этот смех всем телом, потому что стояла вплотную.

— Пойдём, безумная. Застегни пальто.

— Не хочу.

— Простудишься.

— Ты меня согреешь.

Он вздохнул, как человек, у которого на руках внезапно оказался упрямый ребёнок, обнял меня одной рукой, а второй попытался нащупать пуговицы. Нащупывание не удавалось, потому что в этой же руке были цветы, а я стояла и с интересом наблюдала за ходом операции.

— Ты нарочно? — спросил он.

— Ага.

— Зачем?

— Чтобы ты меня трогал.

Это вырвалось само, без санкции совещательного органа в моей голове. Я услышала фразу уже после того, как произнесла её, и подумала: ну всё, теперь жить с этим.

Он замер. Посмотрел на меня.

— Ты невыносима.

— Знаю.

Он поцеловал меня. Прямо на площади, под ледяной крупой, с распахнутым пальто и дурацкими жёлтыми цветами в кулаке, которые щекотали мне спину. Мимо проходили люди. Кто-то обернулся, кто-то улыбнулся, кто-то брезгливо отвёл глаза, но я не проверяла. Мне было важнее, что у него холодные губы и тёплое дыхание, и что это сочетание, оказывается, можно любить.

— Застегнись уже, — сказал он, оторвавшись.

— А ты поможешь?

— Помогу.

Я сделала шаг назад и раскинула руки в стороны, как птица, которой скоро улетать.

— Помогай.

Он засмеялся, поставил цветы на скамейку, отряхнул ладони от крупы и принялся за дело. Сверху вниз. Медленно, пуговицу за пуговицей, с сосредоточенным лицом человека, который собирает сложный механизм и не хочет ошибиться. Я смотрела на его руки, на ресницы, на складку между бровей, и мне вдруг стало так хорошо, что страшно.

Потому что я знаю, как это бывает. Когда слишком хорошо, значит, где-то рядом ждёт подвох.

Но подвоха пока не было. Были пуговицы, холодный ветер и он.

— Знаешь, — сказала я тихо, — это очень соблазнительно выглядит.

— Что именно?

— Когда мужчина помогает. Не «давай я», не «ты сама не справишься», а просто делает.

Он закончил последнюю пуговицу и поднял глаза.

— Буду чаще.

Я кивнула. Поправила шарф, наконец-то по-человечески, натянула шапку и взяла его за руку. Рука у него была холодная, но стоило сжать, как она ответила тем же.

— Пойдём?

— Куда?

— В кафе. Там делают пиццу с сыром и грушей. Восхитительную.

Он посмотрел на меня с таким выражением, с каким смотрят на человека, который только что признался в любви к маринованным ананасам.

— Странная пицца.

— Самая вкусная в мире. И, главное, вся моя.

— Я не получу ни кусочка?

— Получишь. Если будешь вести себя хорошо.

Он поднял цветы со скамейки, отряхнул от ледяной крошки, и они, надо признать, выглядели чуть лучше, чем он их описывал. Жёлтые, маленькие, храбрые, с видом цветов, которые приехали прямо из будущего апреля, чтобы поддержать нас в январе.

— Пошли, — сказал он.

Мы двинулись через площадь, держась за руки. Я всё ещё чуть пританцовывала на ходу, потому что музыка в наушнике продолжала дребезжать, а ноги не умеют выключаться по требованию. Он улыбался и смотрел на меня сбоку, будто пытался запомнить.

Вокруг был серый январь, злой ветер и люди, которые спешили куда-то со своими лицами цвета мокрого асфальта. Мы шли среди них, как два человека, которых забыли предупредить, что сегодня не лето.

Но с нами это не работало.

Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.